

Еремкина Вера Николаевна

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПРЕССИВНО И СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ ПУБЛИЦИСТИКИ ВРЕМЁН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается военная лексика как пласт лексических единиц русского языка. Предпринята попытка раскрыть ее функционально-стилистическую роль в газетных текстах, которая выражается, прежде всего, в эмоциональном и эстетическом воздействии на читателя. Исследование указанных аспектов военной лексики проводится на материале текстов, извлеченных из выпусков астраханского издания "Коммунист" за 1941-1945 гг. Статья адресована лингвистам, журналистам, как начинающим, так и совершенствующим свое профессиональное мастерство, а также всем, кто интересуется вопросами языка СМИ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 123-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Burgoon M., Ruffner M.** Human Communication. Fort Worth – TX – USA: Harcourt College Publishers, 1978. 532 p.
5. **Dean C. Barnlund.** "A Transactional Model of Communication" in Foundations of Communication Theory / eds. Kenneth K. Sereno and C. David Mortensen. N. Y.: Harper and Row, 1970. P. 83-92.

THE CHARACTERISTIC OF A TOPICAL TRANSACTIONAL MODEL OF COMMUNICATION

Dolzhenkov Valerii Nikolaevich, Ph. D. in Philology
Russian State Social University
valdolzhenkov@yahoo.com

The article examines the models of communication, among which a transactional model plays a significant and topical role. The author characterizes it as a process of continuous changes and transformations, where each component changes in the process of interaction. A transactional model defines communication as a process, where communicants produce social reality in the framework of social, relational and cultural contexts, integrated in this reality in such a way as to create and change it also.

Key words and phrases: transactional model of communication; communicants; message; sender and addressee; reality; contexts.

УДК 81`271:070

В статье рассматривается военная лексика как пласт лексических единиц русского языка. Предпринята попытка раскрыть ее функционально-стилистическую роль в газетных текстах, которая выражается, прежде всего, в эмоциональном и эстетическом воздействии на читателя. Исследование указанных аспектов военной лексики проводится на материале текстов, извлеченных из выпусков астраханского издания «Коммунист» за 1941-1945 гг. Статья адресована лингвистам, журналистам, как начинающим, так и совершенствующим свое профессиональное мастерство, а также всем, кто интересуется вопросами языка СМИ.

Ключевые слова и фразы: военная лексика; публицистический дискурс; экспрессивная и стилистическая окрашенность; разговорно-бытовая лексика; просторечная лексика; базовые эмоции; семантическое поле.

Еремкина Вера Николаевна

Астраханский государственный технический университет
eremkina.vera@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПРЕССИВНО И СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ ПУБЛИЦИСТИКИ ВРЕМЁН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Лексика, безусловно, является языковой сферой, наиболее наглядно и отчетливо отражающей всевозможные изменения, которые происходят в жизни общества. Данная область также активнее всего подвергается влиянию со стороны исторических изменений. Однако тот факт, что развитие лексики зависит не только от языковых факторов, но и от внеязыковых, совсем не означает, что последнее свободно от действительных языковых моментов, потому как значение слова представляет собой единство его языкового и внеязыкового наполнения. «Каждое слово является отражением какого-то отрезка действительности – реальной или мнимой, – но вместе с тем и единицей языка, связанной фонетически, грамматически и семантически с другими единицами. Способы выражения лексического значения в слове создаются длительной речевой практикой людей и становятся элементами языковой системы. <...> Тот факт, что развитие лексики в значительной мере определяется внутриязыковыми факторами, связанными с системным характером языка, обуславливает, как это ни парадоксально с первого взгляда, и более глубинное, чем обычно представляется, воздействие на лексику внеязыковых факторов. Для того чтобы отдельные части языкового механизма пришли в движение, нужен внешний толчок, но самый характер этого движения в значительной степени обусловлен особенностями самого механизма. Внешние факторы, затрагивая те или иные языковые звенья, благодаря системным отношениям внутри лексики, оказывают косвенное влияние и на другие звенья» [11, с. 51].

Эмоциональное напряжение в жизни советского общества во время Великой Отечественной войны не могло не повлиять на лексику, которая использовалась в публицистике указанного периода [12, с. 128]. Можно привести множество примеров общенародных разговорно-бытовых «военных» единиц, в состав которых входят:

а) разговорно-литературная лексика: *жать* (в значении «стрелять»), *всыпать* (в значении «любить»: ср. *всыпали немцам*), *погнать* (в значении «начать преследовать»: ср.: *погнали немцев*), *засесть* (в значении «укрепиться», ср.: *накрепко немец там засел*);

б) просторечная лексика: *драпать* в значении «поспешно отступить, бежать» (обычно имеет оттенок презрительности), *лупить* в значении «сильно стрелять» (*лупит немец из миномета*).

В газетном тексте можно встретить также своеобразные разговорно-бытовые слова, которые отсутствуют в нейтральной лексике: например, *высота*, употребляющееся в значении «господствующая, возвышенная местность, дающая войскам преимущество перед противником» [14], ср.: *защитники высоты уже укрепились*.

Есть также общеупотребительные слова со специфическими, просторечными и разговорно-литературными значениями – нередко метафорического происхождения: *орлы* в значении «хорошие бойцы», *жарить* в значении «стрелять» и т.п.

Среди книжной лексики можно выделить слова, которые служат единственным названием предметов и явлений, соответствующих им: *бронетранспортер* в качестве *прорвавшегося вперед бронетранспортера*, и слова, которые имеют синонимы из общеупотребительной лексики, однако с иной эмоционально-стилистической окраской: *бой – сражение* (ср.: *бои идут в восточной части, сражение продолжается уже не первый час*) и др. К этой же группе можно отнести слова из официально-делового стиля: распоряжение, устав (ср.: *таким стало первое боевое распоряжение Николая; этот орел у нас все уставы на зубок знает*); устаревшие слова: *дозор* (ср.: *идти будем походной колонной, с охранением и дозорами*), *побоище* (ср.: *всюду следы жестокого побоища*), *стан* (*наши снаряды с пронзительным свистом полетели в стан врага*); экзотизмы: *капут* (*Гитлер капут!*); поэтическую лексику: *явь войны* (*неприкрытая явь войны*), *отпрянуть* в значении «отступить» (ср.: *немцы отпрянули*).

Бесспорно, что большая часть публицистов изображала немецких захватчиков только в качестве злодеев, так как русский народ вел освободительную войну. Русские же воины описаны более чем восторженно: *Проклов говорил спокойно, не торопясь <...> На него было приятно смотреть; из капитанской землянки появляется Макаров. Он подходит к нам прямыми, словно на параде, шагами* [6]. Немаловажную роль в описании играет звуковой символизм: при описании стати и мощи советских бойцов твердые согласные, часто звонкие (взрывные) сочетаются с дрожащим «р».

Совершенно иные языковые средства применяются для описания немецких оккупантов. Здесь в большом количестве встречается низкая, ироничная и бранная лексика: *Это был немец. Фашист. Каждый из них чудовище, урод* [9].

В публицистическом дискурсе эпохи Великой Отечественной войны наиболее ярко репрезентированы базовые эмоции сострадания и страха, любви и ненависти; языковой уровень выявляет глобальную антитезу самоотверженной любви к социалистической родине и беспощадной ненависти к фашистским захватчикам. «На первом этапе порождения текста активизируется оппозиционный фрейм, устанавливающий отношения между двумя ценностью противопоставленными понятиями» [10, с. 112].

Формирование эмоционально-экспрессивной сферы семантического поля «враг, фашистские захватчики» в дискурс военных передовиц происходит с помощью богатой палитры экспрессивов. В большом объеме используются оценочные номинативы: *фашистский грабитель, германские палачи, стервятники, фашистские разбойники, полчища, варвары, захватчики, нелепость немецкой теории сезонной стратегии* и др.

Многочисленные ситуативные экспрессивы: *фашистские людоеды, фашистская орда*; яркой экспрессией обладают окказионализмы: *группенмерзавец, обергруппенмерзавец*; часто встречаются традиционные экспрессивы, нередко с различными изменениями, например: *калифы на час*; экспрессивы выступают в качестве приложений: *от генерала-бандита до ефрейтора-бандита, немцы-преступники, немец-зверь*.

Для того, чтобы подчеркнуть единую позицию всего советского народа, нередко приводится высказывание того или иного конкретного лица, в первую очередь вождя, которое также крайне наполнено экспрессивными словами. Например: *«Наш народ не простит этих преступлений немецким извергам. Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния!» – так сказал товарищ Сталин* [8].

«На реципиента коммуникативное воздействие оказывает именно целый текст в ситуации его целенаправленного экстралингвистического применения» [4, с. 87], то есть дискурс. Каждая отдельно взятая передовая статья является гармонически организованным содержательно-композиционно-языковым единством, в котором лингвистические структуры представляют собой строевые элементы риторических микроструктур. Из последних, в свою очередь, составляется текст как «лингвориторический макроконструкт» [Там же]. Коннотации, которые взаимно исключают друг друга и являются полярными в эмоциональном отношении, «синтаксически разлиты в тексте» [13, с. 25], являющемся комплексом сложнейших синтаксических целых; при этом «коннотации непримиримости» [Там же], являясь рассеянными по публицистическому пространству в целом, обеспечивают структурную целостность текстовых продуктов.

Парадигматика текстового пространства отдельной взятой статьи образуется экспрессивами синонимического характера, многие из этих экспрессивов повторяются. Например, в статье «Смерть фашистским мерзавцам!» [5] номинация *палачи* употреблена 10 раз, словосочетание *немецко-фашистские мерзавцы* – 5 раз в следующем синонимическом ряду: *фашистские палачи, немецко-фашистские мерзавцы, немецкие изверги, немецкие преступники, палачи высшего ранга, бездушные палачи, изоциренные садисты, кадры палачей, кровавый главарь, бездушные палачи, уголовные преступники, кровавые бандиты, гитлеровская банда, эти палачи, фашистские мерзавцы, немцы-звери, от генерала-бандита до ефрейтора-бандита, бандитская клика, презренные преступники*.

Приведем еще одну синонимическую парадигму из другой статьи «Зверства фашистских изуверов» [7]: *неслыханные злодеяния, страшные злодеяния, жестокие побои, массовые убийства, замученные насмерть, нечеловеческие пытки и побои, зверские истязания, зверские преступления, разбойничье-людоедская политика истребления, неистовые зверства, садистские эксцессы, бандитское надругательство, фашистское поправление, морившие голодом в лагерях смерти*.

Если сопоставить данные номинации со словарями синонимов, то обнаруживается расширение синонимических рядов на уровне текста: *Палач – преступник – изверг – уголовный преступник – зверь – садист – бандит; Злодеяния – преступления – убийства – побои – пытки – мучения – истязания – зверство – истребление – надругательство – эксцессы – издевательства – поправление – лагеря смерти*.

Что касается описания врага, то по отношению к нему максимально ярко представлен спектр таких не выявляемых обычно оттенков проявления речевых эмоций, как враждебность, гнев, ярость, ненависть,

непримиримость, негодование, возмущение, ожесточение, неистовство, озлобление, исступление и др.; указанное эмотивное содержание «в виде эмотем входит в когнитивное содержание текста» [3, с. 58].

Репрезентация семантического поля «мы», «наши», «советские люди» происходит с помощью обилия эмоционально-экспрессивной лексики различного типа, имеющей положительную окраску. Результаты исследования показывают, что в текстах военных передовиц основной эмоциональный фон создается использованием мелиоративных экспрессивов, моделирующих образ «наших» (исключение составляют отдельные статьи, подобные данной). Указанными экспрессивами выполняется функция «текстообразующей доминанты стилистической организации лексико-фразеологических единиц книжной речи в композиционно-речевой структуре публицистических произведений» [1, с. 53]; встречаются отдельные вкрапления пейоративного экспрессивного полюса врага. Преобладание положительных экспрессивов, бесспорно, имеет целью обеспечение мобилизующе-вдохновляющего эффекта публикаций [2, с. 78].

Публицистический дискурс эпохи войны с фашизмом насыщен возвышенной лексикой, прежде всего славянизмами: *сыны, карающая рука, творить, посягнувший, попрать, караемые смертной казнью, лютая смерть* и др. Частотны фразеологизмы: *поперек горла, черное дело, держать под пятой, развеять в прах, обогрены кровью, вооруженные до зубов* и др.; нередко встречаются онимы, в первую очередь персонимы (Ленин, Сталин) и топонимы (которыми обозначаются места военных событий). В целом публицистический дискурс военного периода предельно изобилует экспрессивами, моделирующими необходимый ракурс восприятия информации огромной читательской аудитории и расставляющими акценты в коллективном языковом сознании советского народа. Они также стимулируют такие базовые эмоции, как любовь и ненависть, сострадание и страх, и мобилизуют массы на самоотверженную борьбу с врагом.

Итак, лексика газетных текстов времён Великой Отечественной войны сочетает в себе элементы различных стилей и нередко несет оценочную и экспрессивную коннотацию. Последнее является следствием усиления потребности в экспрессивно-стилистических средствах языка, которая в свою очередь обусловлена социальными причинами – войной. Самая характерная тенденция данного периода – резко отрицательное отношение к фашистским захватчикам и уверенность в победе наших бойцов. Соответственно бранная, сниженная лексика используется при описании немецкой армии, а возвышенная, торжественная – при изображении советских воинов. В описании армий имеет место также звуковой символизм и цветовая семантика, что, несомненно, выполняет задачу противопоставления борющихся сил.

Список литературы

1. Бельчиков Ю. А. Русский язык: XX век. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 84 с.
2. Ворожбитова А. А. Официальный дискурсивный фон исторического этапа Великой Отечественной войны: экспрессия Победы в лингвориторике «Правды» 1941-1945 гг. // Былые годы. 2012. № 3. С. 76-81.
3. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 1998. 197 с.
4. Кожина М. Н. Понятия «текст» и «целый текст» (в аспекте стилистики текста) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1996. Т. II. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). С. 44-89.
5. Коммунист. 1942. 10 февраля.
6. Коммунист. 1942. 8 августа.
7. Коммунист. 1943. 22 июля.
8. Коммунист. 1943. 10 сентября.
9. Коммунист. 1943. 31 октября.
10. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995. 232 с.
11. Лексика современного русского литературного языка: коллективная монография / под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. 185 с.
12. Серкина В. Н. Лексика Великой отечественной войны: семантический и словообразовательный аспекты // Война в контексте мировой культуры. *The War in the Context of World Culture*: сборник научных статей / под общ. ред. Е. В. Гайнутдиновой. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2015. С. 126-131.
13. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания. М.: Наука, 1991. С. 5-35.
14. <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=высота&all=x> (дата обращения: 15.01.2016).

SPECIFICS OF USING EXPRESSIVELY AND STYLISTICALLY COLOURED VOCABULARY IN THE LANGUAGE OF PUBLICISTICS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Eremkina Vera Nikolaevna
Astrakhan State Technical University
eremkina.vera@list.ru

The article examines military vocabulary as a stratum of lexical units of the Russian language. The author aims to discover its functional and stylistic role in the newspaper texts which is manifested, first of all, in the emotional and esthetic influence on the reader. The study of the mentioned aspects of military vocabulary is carried out by the material of the texts acquired from the issues of the Astrakhan newspaper "Communist" for 1941-1945. The publication addresses linguists, journalists, equally beginners and professionals, and all those interested in the problems of mass media language.

Key words and phrases: military vocabulary; publicistic discourse; expressive and stylistic colouring; colloquial vocabulary; low vocabulary; basic emotions; semantic field.